

Мейшош АБДУЛЛА

...25 февраля, 11 часов ночи. Поселок дремал в темноте, как уставший и обессиленный человек. В этой темноте издалека казалось, что дома поселка упирались в небесный купол своими крышами. Снег, который беспрерывно шел вот уже несколько дней, еще более усугублял и без того невыносимое положение. Почти неделю в поселке не было электроэнергии. После заката солнца кругом было темно, как в гробу. Вечерами любого выходящего на улицу окутывал какой-то панический страх.

Поселок с четырех сторон был окружен вражескими селами. Поэтому жители знали, что каждую минуту могут быть подвергнуты нападению. Население было практически безоружным и только у немногих было обычное легкое оружие.

Внезапно лай собак охватил весь поселок. Собаки так синхронно выли, что от страха становилось жутко. Говорят, собаки так встали себя, предчувствуя землетрясение.

Я спустилась во двор. Скоро к вою собак добавился оглушающий гул.

- О, Всевышний, что это? - прислушалась я.

Не прошло и нескольких минут, как с вершин пригорий вокруг поселка начали спускаться мощные прожекторы. Свет был до такой степени ослепительным, что поселок словно оказался внутри какого-то яркого пламени. Только я подумала, что сейчас произойдет мощное землетрясение, как послышались звуки взрывов.

Собаки сразу замолкли и искали место, чтобы спрятаться. Вокруг были слышны крики испуганных людей, выбегающих во двор из-за грохота снарядов. Каждый хотел узнать, что происходит, и звал на помощь соседей или родственников.

Я сразу побежала домой. Мои отец, мать и сестра сидели, прижавшись друг к другу в углу комнаты, и в страхе смотрели на дырку.

- Что это, дочка? - спросил старый больной отец, увидев меня.

- Отец, враг обстреливает поселок. Быстрее выходите! Они могут ударить по дому, - поторопила я их.

Мать и сестра начали плакать от страха. Нельзя было терять время. Грохот все усиливался. Пронизывая темноту ночи, свет огня и пламени проливал в дом через окно и создавал страшное зрелище. Несмотря на то, что отец осознавал сложность нашего положения, он собрался и сказал:

Не сдавайтесь! Одержитеесь!..

При слабом свете лампы в полутемной комнате мы начали искать теплую одежду. Когда мать достала из сундука, стоящего в углу комнаты, какой-то узелок, завернутый в кусок тряпки, и положила его под шаль, которой обвязала спину, отец сказал тихо:

- Смотри, не потеряй.

Когда мы спустились во двор, поселок весь уже пылал в огне. Везде пылали дома. Голоса людей, которые доносились из горящих домов, эхом отдавались в темноте ночи и паводили ужас.

Тяжелые танки, окружившие поселок, продвигались все глубже в него. Крики и шум сбегавших во двор людей, смеиваясь с оглушительным гулом, словно замораживали кровь в венах. От звука падающих и взрывающихся на каждом шагу снарядов можно было олохнуться. Люди пустились бежать к лесу. Они направлялись в лес, так, как считали его единственным местом, где можно было спастись. Мы тоже бежали в том же направлении. Отец держал за руку мать, а я младшую сестру, которой второго января этого года исполнилось 17 лет. Она была младше меня на два года.

Сердце разрывалось от криков и жалобных просьб больных, утопающих в снегу стариков и тех, кто не мог ходить. По каждому была дорога своя жизнь. Никто не был застрахован от того, что

где-то прятаться, то в лесу бежавших в разные стороны людей не мог спасти от врага даже Всевышний. Видя оставшийся позади поселок, горящий ярким пламенем, никто не мог удержать слез.

То тут, то там были видны трупы. Когда голову одного старика, идущего впереди нас, снесло осколком упавшего с грохотом и взорвавшегося снаряда, мы поняли, что находимся лицом к лицу со смертью, напоминающую рыскающую собаку.

По мере ежеминутного возрастания угрозы смерти мы старались двигаться вперед и только вперед. Нам казалось, что дойдя до ближайшего леса, мы навсегда отделася от проклятой смерти, следующей за нами по пятам.

Грохот, который стоял вокруг, постепенно приближался к нам. По всей вероятности, враг хотел нас окружить и взять живыми, ибо ничего не стоило убить бегущих по снегу невооруженных людей.

Голоса людей и особенно крики женщин раздавались по всему лесу. Эти голоса больше напоминали рев диких зверей, чем человеческий голос. Чем дальше мы входили в глубь леса, тем страшнее и ужаснее становились голоса.

Состояние стариков, больных и детей было невыносимым. Родные несли их на спине. Каждый старался во что бы то ни стало убежать и спастись от смерти.

жестя он был офицером, посоветовал людям тихо отвечать на каждый зов женщины, с тем чтобы они не волновались и перестали кричать. А то их крики могли оповестить врага о нашем местоположении. Офицер оказался очень предусмотрительным и после такого совета, кого бы ни звали, сразу с нескольких мест отвечали: "Не беспокойся, я жив, я здесь".

Враг приближался. Иногда даже можно было слышать их голоса. Они что-то выкрикивали на своем языке. Через некоторое время завалили автоматы. Люди рассыпались во все стороны. Тот самый офицер приказал:

- Люди, идите вперед! Впереди река. Перейдите ее, вы выйдете на дорогу в Аг-дам. Если поспешите, то скорее всего сможете приблизиться к нашим. Постарайтесь спастись, иначе мы все погибнем.

Затем он приказал вооруженным идти вместе с людьми, чтобы хоть как-то помочь им спастись. Остальные вооруженные пошли за ним в обратном направлении. Скорее всего они намеревались отвести врага от мирных жителей и запугать след.

Мы были очень уставши. Старикам и больным сложно было передвигаться. Но никто и не думал их бросать. Вско-

НЕОБЫЧНАЯ СКУЛЬПТУРА...

Поруганный Ходжалы. Художник Асиф Азерелли

может лицом к лицу столкнуться со смертью, поэтому не время было показывать себя героем. Даже кошки и собаки от испуга не отходили от своих хозяев, покидающих поселок, и следовали за ними. Чем больше сужался круг окружения, тем больше становилось жертв. Если кому-то повезло и он был еще жив после взрыва снаряда, то ему оставалось только благодарить Аллаха.

Отец был болен, но он держался и не показывал, что плохо себя чувствует. Он помогал матери как мог и танцевал ее за собой. А ей становилось все хуже и хуже. Она часто останавливалась, чтобы отдышаться, а потом шла дальше, стараясь сравняться с нами. Сестра бежала рядом, прижимаясь ко мне. Мы не знали, куда идем, но бежали. Мы отдавались от поселка, но это не отдаляло нас от смерти. Если в поселке люди могли

Среди нас было несколько вооруженных людей. Это были добровольцы, охранявшие поселок. Теперь они тоже были среди нас, потому что старались вынести из огня свои семьи. Иногда, чтобы успокоить тех, кто боялся, они стреляли в разных направлениях. Когда они стреляли, люди ненадолго умолкали.

Мы остановились прямо в гуще леса. Остановились, чтобы хоть немного передохнуть. Мы были совсем измучены. Здесь было очень много народу. Можно сказать, что больше половины жителей поселка были собраны здесь. В темноте ночи каждый старался отыскать своего близкого, родного. Самое ужасное положение было у женщин. Они плакали не переставая, прижимаясь друг к другу, и не могли успокоиться ни на минуту. А о тех, кто не мог отыскать своих близких, и говорить нечего. Наконец кто-то, ка-

Светлой памяти шехидов, павших во время трагедии в Ходжалы, посвящается

ре вооруженные, которые пошли в противоположном направлении, начали стрелять. Но всей вероятности, они хотели несомненно задержать врага. Но они совершили ошибку. И их, и нас одновременно начали обстреливать из крупнокалиберных орудий. В течение минуты началась такая паника, казалось, небо сметалось с землей. Гул танков, грохот автоматов и пулеметов превратили лес в ад. Видя этот ужас, нельзя было поверить в то, что кто-то отсюда может выйти живым. Пули, осколки снарядов буквально косили ветки деревьев и они обрушивались на нас. А тех вооруженных, которые пошли в обратном направлении, вообще не было слышно. Видимо, враг всех их расстрелял.

Мы преодолели большое расстояние. К счастью, никто из членов нашей семьи не пострадал. По состоянию матери все ухудшалось. Она еле передвигалась. Отец уже не в силах был ей помочь, так как он сам еле волочился. Сестра прижавшись ко мне и ни на шаг не отходила. Крики и плач женщины прекратились. Казалось, обессиленные люди уже не способны были даже плакать и кричать.

→ 13

Мы подошли к какой-то скалистой местности и остановились. Из-за того, что снега сюда попадало меньше, здесь можно было хоть немного приютиться. От недосыпания и усталости люди не могли стоять на ногах и валялись на землю. Снег непрерывно валил хлопьями. Слово и Алях был на нас разгневан и ни чужочки не жалел нас.

Немного дальше от нас, в верхней части скалы были слышны голоса. Кто-то из наших посоветовал нам помолчать. Как будто все ждали его приказа. Все как один замолчали. Голоса приближались. И были слышны все ближе. Вдруг загрелись автоматы. Как только просветели пули в темноте ночи, народ начал рассылаться в разные стороны. Но столам и крикам падающих людей можно было догадаться, что они подверглись вражескому обстрелу и пропались с жизнью. То, что вооруженные, находящиеся рядом с нами, начали стрелять по врагу, еще более усугубило положение. Пули сыпались на нас как дождь. Раненые оставались лежать на снегу. Я смотрела на труны и думала, что вот-вот какая-то пальная пуля просквозит любого из нас и свалит на землю. Идти дальше было невозможно. На каждом шагу можно было споткнуться о человеческие трупы. Мы спустились со скалы вниз и пошли к реке, текущей по середине леса. Матери становилось хуже. Она не хотела идти дальше. Каждую минуту она умоляла нас, чтобы мы ее оставили и спаслись. Отец все хотел ее успокоить.

- Потерни еще немного. Все будет хорошо, - говорил он.

А мать даже слушать его не хотела.

- Идите! Оставьте меня! - говорила она.

- Присматривай за девочками. Постарайся их вывести куда-нибудь. Слышишь? Пусть они не попадут врагу в руки! - говорила она, поручая нас отцу.

А мы держали ее за руки и тащили за собой.

Светало. Из-за того, что всю ночь мы были на ногах, очень устали. Под снегом еле виднелись трупы расстрелянных людей.

Мать была окончательно обессилена. Она подошла к дереву, оперлась о него руками и встала.

- Я больше не могу ступить ни шагу. Нет. Больше не могу. Вы идите... - говорила она.

Мы остановились и подождали, пока она отдышится. Но, кажется, это был копец. Она не удержалась на ногах и упала на снег.

Отец снял пальто, постелил на снег и перетасил на него ее безжизненное тело. Мы с сестрой присели на колени и, взяв руки матери в свои, начали массировать. Руки нашей матери постепенно холодели и превращались в лед. Сестра плакала, умоляя ее встать. Мать иногда поднимала веки, смотрела на нас жалобно и что-то хотела сказать. Но она не могла говорить, а губы ее дрожали. Она последний раз окинула нас всех взглядом и ее взгляд застыл на лице отца... Отец присел на колени и закрыл глаза матери руками. Потом он обратился к нам и сказал, заываясь:

- Стойте, девочки. Пусть ваша мать... Он не договорил и начал плакать.

НЕОБЫЧНАЯ СКУЛЬПТУРА...

Отец обернул тело матери в свое пальто и потащил ближе к дереву. Мы обняли тело матери и горько плакали. Отец держал нас за плечи и стоял не двигаясь. Бедный мужчина не знал, как нас утешить и что делать. Наконец он нашел в себе силы и сказал:

- Поздно, мои дорогие, прощайтесь с матерью...

А мы, словно не слыша его, продолжали обнимать материнское тело.

Отец взял нас за руки и приподнял. А потом, подумав, взял из-под шали матери маленький узелок, протянул мне и сказал:

- Возьми это. Если останется живы, может пригодиться.

Но винная в содержимое узелка, я опустила его через вырез на шею кофточки вниз. Отец pokrыл тело матери маленьким узелком, протянул мне и сказал:

Рассвело. Мы уже приблизились к окраине леса. Отец, успокаивая нас, говорил:

- Не бойтесь, дети. Если мы преодолеем тот спуск впереди, то нам уже ничего не грозит.

Словно эти его слова придали нам силы и мы зашагали еще быстрее.

Мы удивлялись отцу. Он словно взял у кого-то жизнь взаимы. Он так шагнул по снегу, который был ему по пояс, что мы еле за ним успевали. По мере того, как мы отдалялись от того места, где умерла мать, сестра все равно оборачивалась и тихо плакала. Отец горючил нас и говорил, что надо быстро пройти через маленькую скалу. Снег шел непрерывно. Маленькие снежинки кусали лицо как назойливые мухи. На окраине леса дерзья редели, а в некоторых местах их вообще не было. Отец показал нам уже рассеивающиеся на снегу следы.

- Вот видите, здесь проходили люди. Я же говорил, - сказал он бодро, - после подъема нам будет легче. Сложность только до преодоления этой высоты.

Впереди виднелся небольшой овраг. Мы должны были дойти до него, потом подняться выше и добраться до того места, о котором говорил отец. Не успели дойти до оврага, как над нашими головами просветели пули. Пули пролетели настолько близко, что мы ясно слышали их свист. Мы застыли на месте и начали смотреть по сторонам, чтобы понять, откуда стреляют. В это время мы увидели двоих вражеских солдат, приближающихся к нам из оврага. Они оба нацелили автоматы на нас. По мере их приближения мы заметили, что они больше походили на разбойников, нежели на солдат. Мы испугались. Их внешний вид, обросшие лица и одежда напоминали пещерных людей.

Отец отошел на несколько шагов назад и хотел прикрыть нас собой. Мы с сестрой, прижавшись к отцу, молились Аллаху, чтобы он сжалился над нами.

Враги дошли до нас и остановились. Один из них сказал на полуармянском, полуазербайджанском языке:

- Не бойтесь. Мы не намерены вас убивать. Дайте нам, все что у вас есть при себе, и мы вам поможем выбраться.

Когда отец сказал, что у нас ничего нет, армянин начал на него орать:

- Замолчи, старик! Я не тебя, а этих дурачков спрашиваю. С тебя нечего взять. Скорее тебе придется нас о чем-то попросить.

По тону их разговора с отцом я поняла, что они не собираются нам помогать. Они хотели нас ограбить, а потом убить. По крайней мере я так подумала.

Армянин снова закричал:

- Еще раз повторяю. Если что-то у вас есть, отдайте. Или... Считаю: раз... два...

Когда он направил на нас дуло автомата и начал считать, я выгнула из-под кофты завернутый в платочек узелок с драгоценностями, который мы взяли у матери, и протянула им.

Один из армян схватил у меня узелок и несколько раз подкинул в руке, словно взвешивая, спрятал у себя в стеганке и приказал:

- Что у вас есть из оружия? Доставьте!

- Больше нет у нас ничего. Был только этот узелок, и мы его отдали, - сказал отец, поклонивая себя по одежде.

- Сейчас проверим, - сказал тот армянин, который говорил с нами на азербайджанском, и стал обыскивать отца. Он остановил руку меж его ног, резко ударил отца кулаком ниже пояса и заржал:

- А это что? Самец, обезьяна. А ты говорил, что ничего нету.

Отец со стоном опустился на колени в снег. Чтобы не пугать нас, он сжимал зубы и терпел невыносимую боль.

Мы злоредно испугались. Враги начали нас обыскивать, не обращая внимания на наш испуг. Это был не обыск, а оскорбление и унижение нас. При попытке помешать им они становились злыми, как собаки. Не выдержав их такое поведение, отец встал, оттолкнул их со всей силой и сказал:

- Сволочи! Что вы делаете? У вас что, нет матерей, сестер?

Один из армян, не удержавшись, повалился на снег и начал смеяться как сумасшедший. Затем он встал, подошел к отцу, приставил дуло автомата прямо к его виску и со словами: "Видишь, старая обезьяна? Ты своим этим дурацким поведением не нравишься не только нам, но даже этим красивым девушкам", выстрелил прямо отцу в висок.

Как только раздался выстрел, кровь брызнула на снег. Отец упал лицом в снег и так остался лежать. Кровь, хлынувшая из его головы, в течение минуты окрасила все кругом в ярко-красный цвет. Страшное было зрелище... Убийство отца прямо на наших глазах было ни на что не похожей дикостью. Мы с сестрой плакали, обняв труп отца. Отец был нашей последней надеждой после смерти матери. Мы его тоже потеряли. "Что мы будем делать теперь?" - думали мы про себя.

Армяне, не обращая внимания на нас, хохотали. Казалось, что они не были людьми. Они не понимали, что такое смерть, кровь. Как будто они были рождены не людьми.

Я никак не могла успокоить сестру. Она сильно испугалась убийства отца прямо перед нашими глазами. Она цеплялась за безжизненное тело отца и кричала:

- Отец, отец, зачем не встань? Встань, нам надо идти!

Один из армян схватил сестру за ворот пальто и с силой отбросил ее назад. Сестра упала лицом в снег. Я помогла ей встать и шепнула:

- Возьми себя в руки, а то они и нас убьют.

Сестра немного успокоилась.

Армяне повели нас к оврагу. Когда мы дошли туда, не поверили глазам. Вокруг было очень много трупов. Все были расстреляны. Кругом было все в крови. Немного ниже виднелись собравшиеся в толпу пленные. В основном это были женщины, которые, прижавшись друг к другу, дрожали от холода. Двое вооруженных, которые охраняли нас во время выхода из поселка, тоже были здесь. Они были раздеты в такой холод. На них было только нижнее белье. Лица их были обезображены. Вокруг было очень много армянских солдат. В пятидесяти метрах от нас валялся труп женщины. Около трупа бегала девочка 4-5 лет. Внимание всех было приковано к этой девочке. Ребенок, утопая в снегу, бегал вокруг трупа матери и всхлипывал, зажав в рот замерзшие от холода пальчики. Иногда она садилась на колени, трясла труп матери и видя, что она не отвечает, плакала и говорила: "Мама... мама... мама... мне холодно... встань!"

Вдруг девочка подумала о чем-то, притащила валявшееся недалеко одеяло и укрыла им тело матери, а затем и сама залезла под одеяло и прижалась к матери.

Армянам не понравилось такое поведение девочки. Один из них, скорее всего командир, приказал:

- Заткните эту сукину дочь!

Один из солдат поднял автомат и выстрелил.

Девочка, прижавшись к матери, перевернулась на спину. Кровь, стекающая с ее головы, мгновенно окрасила белоснежный снег в ало-красный цвет. Пленные отвернулись, чтобы не видеть эту сцену.

Немного погодя показались две военные грузовые машины. Они доехали до оврага и остановились. Всех пленных загнали в машины. Когда я схватилась сестру за руку и потащила к машине, один из вражеских солдат отвел нас в сторону и что-то сказал своему командиру. Офицер повернулся к нам и улыбнулся.

Перевод Терань МЕММЕД

(Продолжение следует)